

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ПРОТИВОПРАВНАЯ МЕСТЬ, БЕЗОТВЕТСТВЕННОЕ НАСИЛИЕ И ПРИЗНАК ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОГО БЕССИЛИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Осипян Борис Арташесович, канд. юрид. наук. Должность: старший научный сотрудник. Место работы: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: artos5@mail.ru

Аннотация: В своей статье «Смертная казнь как противоправная месть, безответственное насилие и признак духовно-нравственного бессилия современного общества и государства» автор посредством рассмотрения правомерных целей и элементов понятия уголовного наказания доказывает бесполезность и вредность официального узаконивания и практического применения смертной казни как отдельного вида уголовного наказания и предлагает полностью отменить её как признак общей неустойчивости и слабости тех обществ и государств, в которых она предусматривается и применяется на основании неправомерного закона.

Ключевые слова: смертная казнь как противоправная месть; безответственное насилие и признак духовно-нравственного бессилия современного общества и государства; правомерные цели и элементы понятия уголовного наказания; признак общей неустойчивости и слабости; отмена неправомерного закона о смертной казни.

DEATH PENALTY AS WRONGFUL PLACE IRRESPONSIBLE VIOLENCE AND SYMPTOM SPIRITUAL AND MORAL IMPOTENCE OF MODERN SOCIETY AND STATE

Osipyan Boris, candidate of law. Position: senior researcher. Place of employment: The institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation. E-mail: artos5@mail.ru

Annotation: In his article «Death Penalty as Unlawful Revenge, Irresponsible Violence and a Sign of Spiritual and Moral Powerlessness of a Modern Society and State» the author by means of consideration of the lawful purposes and elements of the concept of criminal punishment proves uselessness and harmfulness of official legalization and practical application of death penalty as a separate kind of criminal punishment and suggests to cancel it completely as a sign of general instability and weakness of those societies and states in which it is provided and applied on the basis of the unlawful statute.

Keywords: death penalty as unlawful revenge; irresponsible violence and a sign of spiritual and moral powerlessness of a modern society and State; lawful purposes and elements of the concept of criminal punishment; a sign of general instability and weakness of the societies and states; cancellation of the unlawful statute on death penalty.

«Не убивай»¹.
«Разве Я хочу смерти беззаконника?»

¹ Библия. Ветхий Завет. Исход, 20:13; Второзаконие, 5:17.

говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?»²

В Ветхом Завете Библии относительно необходимой, справедливой и неотвратимой ответственности, суровой кары, возмездия и личного, т.е. уголовного наказания виновных в совершении человекоубийства лиц было чётко предписано следующее грозное предупреждение: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию»³. Новозаветное же Право и Закон это исключительное правомочие человеческого отмщения и публичного наказания каждого неразумного и жестокого братоубийцы-Каина полностью оставляло за Высшим Законодателем и Судьёй — Богом-Создателем: «Мне отмщение, Я воздам»⁴. В свете и контексте такой развивающейся и обновляющейся духовно-правовой и диалектической логики попытаемся выяснить поставленный в данном исследовании основной вопрос о необходимости, правомерности и целесообразности такой меры социально-государственного воздействия на особо опасных преступников, каковой издавна считается смертная казнь как мера наказания. Итак, является ли так называемая учёными юристами и узаконенная современным обществом и государством «смертная казнь» злостных преступников надлежащим и надёжным средством для целесообразного и действительного предупреждения совершаемых тяжких преступлений, а также благотворным видом уголовного наказания преступников для последующего восстановления и поддержания надлежащего и устойчивого социального мира, спокойствия и правопорядка?

Прежде всего, заметим, что эта одна из самых социально важных духовно-правовых проблем всегда была и доньше остаётся одной из наиболее злободневных и окончательных разрешённых вопросов всякого духовно, нравственно и юридически просвещённого общества и правомерного государства. Эта проблема и пути её верного разрешения вновь становятся действенными вызовами нашего тревожного времени, когда зарубежные и российские учёные правоведы и законодатели вновь и вновь серьёзно задумываются о полной или частичной, временной или окончательной законодательной отмене этого вида весьма сомнительного «вида уголовного наказания»⁵ или его практического исполнения.

Отмечая, что в каждом совершённом преступлении уже скрывается суровая кара возмездие и наказание преступника, вселенский учитель христианской Церкви святитель Иоанн Златоуст верно подметил: «Человекоубийца, прежде чем увидеть судилище...и дать отчёт в том, на что он дерзнул, погиб уже во время самого совершения убийства, так как он делает свою душу более дурной»⁶. Наказание же за убийство имеет своим основным духовно-нравственным и правовым смыслом не очередное человекоубийство в лице самого человекоубийцы, но его душевное исцеление и возрождение, исправление и улучшений, его сохранение как образа Бога-Создателя, поскольку всякое зло

² Библия. Ветхий Завет. Иезекия, 18:1-23.

³ Библия. Ветхий Завет. Бытие, 9:6.

⁴ Библия Новый Завет, Римлянам, 12:19; Евреям, 10:30.

⁵ См.: Осипян Б.А. Обоснование неправомерности смертной казни и пожизненного лишения свободы // Уголовно-исполнительная система. Издательская группа «Юрист». 2011. № 3. С. 10-15.

⁶ Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста. М., 2008. С. 526.

может быть побеждено только истинным добром⁷, истиной и милосердием, но не очередным ещё более ужасным злом, под каким-либо пёстрым названием оно не представлялось бы обществу. Поэтому любое названное и даже узаконенное государством преднамеренное человекоубийство за уже совершённое другое человекоубийство не может в действительности изначально быть правомерным и целесообразным видом уголовного наказания, направленного на исцеление, восстановление и сохранение повреждённой грехом преступления души убийцы, но лишь богопротивной, неправомерной, безответственно узаконенной, насильственной и губительной мстостью жестокому преступнику со стороны публично признавших своё духовное, нравственное, правовое и политическое бессилие современного общества и государства, в которых рождаются, воспитываются и лично образуются эти новые жертвы такого государственного насилия и бессилия.

Рассматривать духовно-правовую сущность, содержание, начальные, промежуточные и конечные правомерные цели всякого вида уголовного наказания, оставая вне поля зрения проблему правомерности и целесообразности видов и размеров уголовного наказания, в частности, узаконенной смертной казни, значит не иметь ясного представления и всей полноты картины духовно-правового смысла и благотворной цели уголовного права и закона. Известно, что в разное время многие мыслители и известные философы-правоведы разных духовно просвещённых народов искренне считали смертную казнь наказанием, которое, как необходимое государственно-правовое средство, вполне соответствует ветхозаветному принципу равноценного возмездия — «*jus talionis*». Так, например, греческий философ Платон в этой связи полагал следующее: «Если законодатель заметит, что человек тут не исцелим, он назначает ему наказание, сознавая, что для этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью; тем самым они принесли бы двойную пользу всем остальным людям: они служили бы примером для других людей в том смысле, что не следует поступать несправедливо, а к тому же избавит государство от присутствия дурных людей. Таким образом, законодатель вынужден назначить в наказание таким людям именно смерть, а не что-то другое... Для неисправимых людей смерть еще не будет такой крайней мерой; скорее уж муки, которые существуют, как говорят, в Аиде, и даже еще что-нибудь горшее».⁸ Так думали почти все языческие и дохристианские философы, юристы, законодатели, правители и судьи.

Спустя многие столетия, уже в нашу эру христианства, точно так же продолжали мыслить также многие другие выдающиеся философы и учёные юристы. Известный немецкий философ И. Кант согласно известному ветхозаветному принципу талиона настолько был убежден в крайней необходимости, правомерности и законности смертной казни, применяемой к жестоким убийцам, что исключал малейшую мысль и возможность ее законодательной замены каким-нибудь другим видом уголовного наказания: «О человеке, убившем другого человека, чтобы забрать у него деньги, судят так: поскольку жизнь другого он ценил ниже, чем его деньги, то и его жизнь следует ценить ниже, чем жизнь всех других людей... Сохранить жизнь осужден-

ному на смерть преступнику, если он даст согласие подвергнуть себя опасным опытам, с тем чтобы врачи, таким образом, могли бы получить новые, полезные для общества научные сведения? Суд с презрением отклонил бы подобные предложения медицинской коллегии, ибо справедливость перестает быть таковой, если она продает себя за какую-то цену».⁹ Новозаветная заповедь — «не убей», тут вовсе не учитывалась.

По-своему обосновывая и публично выступая за узаконение и сохранение смертной казни как отдельного вида правомерного уголовного наказания против особо опасных преступников, другой не менее известный немецкий философ Г.В.Ф. Гегель, подобно своему соотечественнику И.Канту, был уверен в истинности своих научных предположений: «...Всеобщее чувство народов и индивидов гласит и всегда гласило, что преступление заслуживает наказания и что с преступником следует поступить так же, как поступил он... Так как жизнь представляет наличное бытие во всем ее объеме, то наказание не может заключаться в некоей ценности, которой не существует, но также должно составлять в лишении жизни».¹⁰ Таково было личное понимание и мнение известного философа о преступлении и наказании в случаях жестокого человекоубийства.

Другие известные мыслители и правоведы полагали, что узаконенное убийство и смерть осужденного особо опасного преступника может быть оправдана в качестве необходимого и правомерного средства социальной защиты всего общества, особенно тогда, когда этот преступник фактом своего существования уже представляет собой существенную, непосредственную и реальную угрозу для общественной безопасности и правопорядка. В свое время опытный итальянский знаток понятий преступления и наказания Ч. Беккариа так описывал случаи необходимого применения к преступникам смертной казни: «Смерть человека может считаться необходимой только по двум причинам. Первая заключается в том, что гражданин, несмотря на лишение свободы, продолжает оставаться влиятельным и могущественным, угрожая безопасности государства, ибо, если сам по себе факт его существование несет в себе угрозу для правящего режима. Смерть гражданина, следовательно, делается необходимой, когда государство борется за то, чтобы вернуть и не потерять свою свободу, или когда беспорядок заменяет собой законы в эпоху анархий. Но во время спокойствия господства законов, когда существующий образ правления поддерживается всеми гражданами, опирается вовне и внутри на силу и общественное мнение, — более, может быть значимое, чем сила, — когда верховная власть является истинным представителем народа, а богатство покупает лишь удовольствие, но не власть, я не вижу необходимости в лишении гражданина жизни, за исключением случая, когда его смерть может удержать других от совершения преступлений. Это и есть вторая причина, согласно которой смертная казнь может считаться оправданной и необходимой».¹¹

Иными словами, многие известные мыслители были уверены в том, что физическое уничтожение особо опасного для общества преступника необходимо, правомерно и целесообразно в состоянии вынужденной и

⁹ Кант И. Сочинения. В шести томах. М., 1963-1966. Т. 2. С. 222. Т. 4. С. 256-257.

¹⁰ Гегель. Философия права. М., 1990. С. 149, 151.

¹¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 168-169.

⁷ Библия Новый Завет, Римлянам, 12:22.

⁸ Платон. Сочинения. В трёх томах. Т. 3(2). М., 1972. С. 350, 372.

не терпящей отлагательств самообороны и самозащиты государства и общества, когда они находится в заметно уязвимом, слабом, шатком, чрезвычайном, осязаемом или военном положении, по причине, скажем, разразившейся смуты или войны, стихийных бедствий, массовых эпидемий и т.п., когда надёжное ограждение и обезвреживание грозного преступника от общества довольно трудна или невозможно для сохранения государством общественной безопасности, мира и правопорядка.

Наиболее ярким выразителем устоявшегося веками общественного мнения по поводу законодательного сохранения смертной казни как отдельного вида уголовного наказания стал известный криминолог У.Бернс, по мнению которого, всякий злоумышленный человекоубийца заслуживает смертной казни как исключительной меры наказания даже в том случае, если его можно душевно преобразить, исцелить и исправить, ибо смертная казнь в этом случае удовлетворяет справедливое чувство массового возмущения и гнева общества по поводу совершения этого тяжкого преступления.¹² Разумеется, любые сильные эмоции, гневные чувства и скороспелые мысли учёных юристов и привычное мнение большинства населения должны быть верно восприняты и должным образом учтены национально-государственными законодателями, но тем не менее, как нам представляется, ещё лучше, если действия законодателей будут направляться и обусловлены высоким сознанием надлежавшей и непреходящей идеи права, правомерности и надлежательно социального правопорядка¹³.

В свете духовно-правовой истины представляется, что смертная казнь в условиях правомерного и устойчивого государства изначально уже не правомерна и нецелесообразна потому, что она, прежде всего, противоречит объективной, общеобязательной (императивной) и неизменной заповеди-закону Бога-Законодателя — «не убей», которая не оставляет и не требует каких-либо дополнительных премудрых человеческих оговорок или своеобразных сугубо мирских и бездуховных соображений и толкований. Дело в том, что публично осуждая и приговаривая преступника-убийцу к смертной казни, всё современное общество и государство тем самым признаётся в своём виновном бессилии, самовольно и безответственно умножают зло преступления надлежавшего Закона-заповеди Бога новым, таким же богопротивным преступлением — человекоубийством в форме смертной казни. В подобных случаях государство посредством своих неправомερных законов и найденных «козлов отпущения» дерзко и законодательно уклоняется от своей богоданной и первоначальной ответственности за проявленное им недостаточное внимание и заботу в отношении к богообразному человеку-преступнику в момент его рождения, младенчества и вплоть до совершения им тяжкого преступления, а самого преступника неправомерно лишает возможности «страшного

суда» его богоданной и неподсудной никому совести и последующего душевного исправления и спасения в вечной жизни. Получается, что современному обществу и государству гораздо легче физически избавляться от своих членов, нежели полномерно отвечать за их безрадостное и безнадежное состояние, которое нужно исправить и исцелить для более светлого настоящего и обозримого будущего¹⁴.

Ведь государство не даёт достоинства и жизни каждому созданному по образу Бога человеку и потому и не может отнять их у него то, что дано от Бога всем людям и в особенности представителям государства, которые также являются грешными людьми, призванными к освобождению от греха и спасению в вечной жизни. Без такого духовно-правового смысла и контекста всякое уголовное наказание изначально бессмысленно, неправомерно и нецелесообразно. Посему смертная казнь как таковая вообще не может называться правомерным и целесообразным видом уголовного наказания и духовно-нравственного поучения, поскольку она отрицает богоданное и абсолютное достоинство каждого человека, ничему хорошему никого, нигде и никогда не научает и не наставляет на сохранение лучшей надежды в настоящей и будущей жизни.

В своё время известный русский философ Вл. Соловьев верно заметил, что всякое наказание, чтобы быть правомерным актом, а не разрушительным злом к уже совершённом злу, не должно вызывать у разумных людей возмущение и чувство противостояния несправедливости подобно совершённом преступлению: «Будучи противна первоосновам нравственности, смертная казнь вместе с тем есть отрицание права в самом его существе. Мы знаем, что его существо состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага, откуда прямой вывод, что последний интерес (общего блага) может только ограничивать первый (личную свободу каждого), но ни в коем случае не имеет намерение его полное упразднение, ибо тогда очевидно, что всякое равновесие было бы нарушено. Поэтому меры против какого бы то ни было лица, внушенные интересом общего блага, никак не могут доходить до устранения этого лица как такового через лишение его жизни или через пожизненное отнятие его свободы. Следовательно, законы, допускающие смертную казнь, пожизненную каторгу, или пожизненное тюремное заключение, не могут быть оправданы с точки зрения юридической, как упраздняющие окончательно данное правовое отношение через упразднение одного из его субъектов. Притом убеждение, что общее благо в известных случаях, требует окончательного упразднения данного лица, представляет внутреннее логическое противоречие. Общее благо потому есть общее, что оно содержит в себе благо всех единичных лиц без исключения, — иначе оно было бы лишь благом большинства».¹⁵ Напоминаю ту простую истину, что зло способно только породить зло, он риторически вопрошал: «По какой же это логике повторение зла есть добро? Он был, может быть, негодяем. Но возмутительно самое действие воли,

¹² Berns W. For Capital Punishment: Crime and the Morality of the Death Penalty. N.Y. Basic Books, 1979. P. 322.

¹³ См.: Осипян Б.А. Право как верный путь к порядку и душеспасению, или два главных вектора действия надлежавшей и непреходящей идеи права //Религия и право. 2015.№ 3. С. 28-38. //Вестник развития науки и образования. 2015. № 4. С. 4-20. Надлежавший социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона //«Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 24-32.

¹⁴ См.: Осипян Б.А. Достоинство человека как высшая правоохраняемая ценность //Вопросы правоведения. 2011. № 1 (9). С. 85-101. Права и свободы человека как средство реализации его достоинства и призвания //Церковь и время. 2007. № 4. С. 14-31. Смысл жизни человека в контексте непреходящей идеи права //Вопросы правоведения. 2012. № 1. С. 23-40.

¹⁵ Соловьев Вл. Против смертной казни М., 1906. С. 180-181.

преступающий нравственный предел, возмутителен человек, говорящий другому: ты для меня ничто, я не признаю за тобой никакого значения, никакого права, даже права на существование, и доказывающий это на деле».¹⁶

Вообще юридическое определение «смертная казнь» представляет собой противоречие в своем определении («*contradictio in adjecto*»), поскольку русское слово «смерть» означает естественный, а не насильственный конец жизнедеятельности всякого живого организма, а не его богопротивное, неправомерное и насильственное отрицание и лишение, которое у разумных и здравомыслящих людей принято называть простым и всем понятным словом «убийство». Поэтому, строго говоря, действию совершения казни человека никогда не может быть названо «смертным действием», но только богопротивным, неправомерным и насильственным актом запрещенного надлежащим и неизменным Законом Бога человекоубийства. Поэтому сознающее надлежащую и непреходящую идею права цивилизованное и состоявшееся государство не может оставлять за собой законного права и позволить себе стать на одну гнилую доску с не имеющим страха, мудрости и ответственности перед Богом убийцей, но должен первым глубоко осознать и публично призывать всех своих духовно не совсем зрелых и юридически невежественных граждан прекратить свои преступные злодеяния, а не доказывать верность известной народной поговорки: «насилие есть признак бессилия». Жизнь со всей очевидностью показывает, что первым прекращает творить зло тот, кто действительно духовно мудр и юридически силен и способен оставить лучшую надежду даже самому безнадежному преступнику, похожего на распятого на кресте рядом с Христом злостного убийцу и разбойника, который первым, благодаря своей искренней вере в Бога, был освобожден от совершённых им многочисленных грехов и преступлений и душевно спасён в вечной жизни¹⁷.

По верному мнению известного русского правоведа С. Будзинского, смертная казнь преступника не имеет существенных свойств и качеств отдельного вида уголовного наказания: «Она не делима; её невозможно степенить соразмерно вине, если она применима по ошибке, то ее уже вознаградить нельзя. Это наказание противно правилам христианства, по которым Бог не желает смерти грешному, законодатель же должен стремиться к исправлению преступника. От такой возвышенной задачи государство не может уклониться. Общественная безопасность может быть ограждена вместо смертной казни пожизненным или бессрочным заключением, с возможностью в последнем случае, освобождения несравненно исправившегося преступника. ...Смерть исключает возможность исправления. ...Смертную казнь защищают преимущественно в убийстве, утверждая, что, по общему мнению народов, пролитая кровь требует крови. Хотя законодатель должен изучать общественную совесть, однако ж, он не может слепо следовать ей; напротив, он обязан облагораживать и освобождать ее от предрассудков».¹⁸

Бессмысленность, неправомерность и нецелесообразность смертной казни обосновывал также другой русский мыслитель и философ А.Ф. Кистяковский: «Защитники смертной казни, которые твердят об устранимости казни на основании разных проявлений

между людьми страха перед наказанием, похожи на того человека, который, несмотря на научные доводы об обращении Земли вокруг Солнца, все-таки твердит: не Земля, а Солнце ходит вокруг Земли, меня в этом убеждают собственные мои глаза».¹⁹ Иными словами, такие непростые духовно-нравственные и правовые вопросы нельзя правильно и с пользой решать простым большинством здравомыслящих обывателей, которые верят только тому, что видят своими глазами и которые всё меряют по себе, исходя из своих суеверий, недоразумений и привычных в обществе ненаучных предрассудков. Представляется, что мудрый законодатель не может следовать их плохому примеру для решения сложных духовно-правовых проблем, а должен полагаться в первую очередь на своё высокое правосознание, или по крайней мере на свою выверенную Богом мудрую, добрую, никому не подсудную, бесстрашную и неподкупную совесть как чистый глас и истинный и добрый совет непосредственно от Бога-Законодателя²⁰.

Статья 20 Конституции РФ провозглашает и одновременно вместе со статьёй 59 УК РФ узаконивает смертную казнь в качестве исключительной меры уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений против человеческой жизни. В то же время часть 2 статьи 43 УК РФ устанавливает, что предполагаемыми целями всякого вида уголовного наказания являются восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений. Посему исследуем и постараемся увидеть, насколько смертная казнь как средство законного уголовного воздействия на личность преступников, соответствуют этим законным и провозглашённым целям этой «исключительной меры наказания».

Законодательное закрепление и практическое применение смертной казни как отдельного вида уголовного наказания, к сожалению, согласуется с недостаточным высоким правосознанием большинства современных учёных юристов и обычных людей и даже цивилизованных народов. Например, в России, США и других современных государствах мира за законодательное сохранение смертной казни выступает примерно 65%-75% населения. В восточных странах доля жаждущих смертной казни еще больше. В США 68% работников правоохранительных органов и судей выступают за смертную казнь через расстрел, повешение, электрический стул, газовую камеру, смертоносную инъекцию и т.д., и только 25% против законодательного закрепления и применения смертной казни в качестве уголовного наказания. Более того, в США нет никаких ограничений на применении смертной казни к преступникам, не достигшим возраста восемнадцати лет, либо достигшим шестидесяти пятилетнего возраста²¹.

Статья 20 Конституции РФ и статья 59 УК РФ узаконивают смертную казнь в качестве исключительной меры и вида уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений против человеческой жизни: за совершение убийства при отягчающих обстоятельствах согласно части 2 статьи 105 УК РФ, посягательстве на жизнь общественного или государственно-

¹⁹ Кистяковский А.Ф. исследования о смертной казни. СПб, 1896. С. 186.

²⁰ См.: Осипян Б.А. Правовое значение действия доброй совести человека // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 10-18.

²¹ American Bar Association Journal, 1985. № 4. P. 16.

¹⁶ Соловьев Вл. Против смертной казни М., 1906. С. 177-178.

¹⁷ Библия Новый Завет, Матфей. 27:38. Лука, 23:43.

¹⁸ Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава. 1870. С. 256-257.

го деятеля согласно статье 277 УК РФ, посягательстве на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование на основании статьи 295 УК РФ, либо на жизнь сотрудника правоохранительных органов государства на основании статьи 317 УК РФ. Кроме России, законодательное упоминание и возможность применения смертной казни предусмотрена также в конституциях и уголовных законодательствах многих других государств. Так, например, четырнадцатая поправка Конституции США 1787 года разрешает применение смертной казни при применении должной правовой процедуры («due process of law»). Однако все основания и аргументы учёных и законодательствующих защитников смертной казни основываются на «праведном» чувстве общественного гнева, глубокого страха и возмущенного общественного мнения, на жажде мести и кары особо опасному преступнику, который после совершения тяжкого преступления сразу же потерял всякое человеческое достоинство в глазах общества, государства и всех добропорядочных людей, которые считают себя вполне правомочными поступать с ним, как с лишившим себя достоинства, чести и права вообще жить в родившем и воспитавшем его обществе.

Однако духовно-нравственная и правовая истина гласит, что взаимной враждой и мстью, корыстью и насилием государство не способно остановить действие зла, греха и преступления, исцелять и исправлять неразумных, озлобившихся или заблудившихся людей, потерявших сознание в себе образа Бога-Создателя и чувство ответственности достойных и полноправных членов общества. Невозможно, например, согласно неправомерному ветхозаветному принципу талиона — взаимной нелюбви, недоверия, вражды и мести предотвращать жестокие разбои узаконенными государством разбоями, а скрытые поджоги — показательными поджогами,

Статья 55 Конституции РФ устанавливает, что права человека и гражданина могут быть ограничены только законом в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. К тому же часть 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года обязывает государства обеспечивать всех лиц, находящихся под стражей или в заключении, гуманное обращение и уважение их достоинства, которое присуще каждой человеческой личности. Иными словами, никогда дело не должно доходить до абсолютного отрицания и поражения богоданного абсолютного достоинства и права каждого человека на жизнь по его личному призванию²².

Правомерное и целесообразное ограничение этих богоданных прав и свобод человека допустимо только в той мере, в какой это необходимо для поддержания надлежащего социального правопорядка — не больше и не меньше. Следовательно, смертная казнь при наличии сильного и устойчивого правопорядка в духовно просвещённом обществе и правомерном государстве²³ вовсе не является необходимой и, стало быть, правомерным средством уголовно-правового воздействия

на поведение людей. Возможно, именно поэтому два известных члена Верховного Суда США Т. Маршалл и У. Бреннан, в своё время добросовестно и публично заявили о том, что сама по себе смертная казнь не может быть узаконенным видом уголовного наказания, поскольку при любых обстоятельствах абсолютно противоречит духу и букве Конституции США.²⁴

Картина ужасов смертной казни становится намного более полной, контрастной и удручающей, если всерьёз задуматься о разрушительных духовных и нравственно-правовых последствиях ошибочно осуждённых и печальной судьбе безвинно казнённых людей: кто возьмёт на себя смелость и ответственность подсчитать точное количество неправомерно и насильственно лишённых жизни людей, а также определить действительные причины их хладнокровного и зверского истребления?! Огромное количество ставших нарицательными «витебских дел» свидетельствуют о том, что все эти неправомерно совершённые убийства невинных людей под предлогом исполнения закона и «смертной казни» вместо того, чтобы предупреждать совершение новых жестоких преступлений, напротив, по причине лени, злого умысла или иных житейских или карьерных расчётов духовно и нравственно испорченных (коррупцированных) представителей правоохранительных и судебных органов государства, начисто списывали с истинных преступников грехи совершённых ими преступлений и тем самым, оставляя виновных преступников безнаказанными, воодушевляли массовых насильников и человекоубийц к совершению новых и ещё более тяжких и серийных преступлений. Примечательно то, что, по данным американских социологов права, в США было вынесено 349 ошибочных приговоров к смертной казни, из которых 23 приговора были приведены в исполнение.²⁵

Смертная казнь как мстительное возмездие человекоубийцы, так сказать, скрыто от глаз общественности и в «тёмном месте», естественно, никакого положительного смысла и воздействия не имеет ни на самих казнённых, ни на остальную массу нормально живущих людей или неосведомлённых преступников. Жизнь показывает, что публичная и телеведущая казнь (экзекуция) особо опасных преступников в форме смертной казни в некоторых нехристианских восточных странах²⁶ также не содержат в себе отличительных правовых признаков, составных частей, начальных, промежуточных и конечных целей уголовного наказания как правомерного и целесообразного действия против жестоких преступников ради общественной безопасности и правопорядка: отнятие государством богоданной жизни виновного в совершении тяжкого преступления лица ничьего права не восстанавливает, ничьего ущерба не возмещает, закоренелых преступников несколько не предупреждает, душевно их не преобразует и не исправляет, не приспосабливает к нормальной жизни в воспитавшем его много лет обществе, и, наконец, не способствует поддержанию социальной безопасности и правопорядка.

Смертная казнь как чрезвычайная мера самозащиты существенно ослабленного разными объективными (природными стихиями) и субъективными обстоятельствами (войной или социальными мятежами и беспорядками)

²² См.: Осипян Б.А. Смысл жизни человека в контексте непреходящей идеи права // Вопросы правоведения. 2012. № 1. С. 23-40.

²³ См.: Осипян Б.А. Критерии правомерности типов и форм государства // История государства и права. 2007. № 18. С. 7-11.

²⁴ Journal of Criminal Law and Criminology. 1978. №2. P. 182-183.

²⁵ Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 325.

²⁶ Например, в Иране, Ливии, Китае, Пакистане и других восточных государствах.

рядками) может быть отчасти оправдана только тогда, когда данный влиятельный преступник (главарь организованного и кровавого государственного переворота или перешедший на сторону вражеского государства изменник) фактом своего существования и злоумышленных, противоправных и общественно опасных действий уже представляет собой непосредственную, существенную и реальную угрозу для сохранения безопасности государства и поддержания общественного порядка. Именно поэтому в статьях 1 и 2 Протокола № 6к Европейской Конвенции о защите прав человека, касающихся смертной казни от 28 апреля 1983 года²⁷ говорится, что смертная казнь должна быть отменена и никто не может быть приговорен к этому наказанию или казнен, кроме как за преступления, совершенные во время войны, либо в условиях, когда грозит ее приближение.²⁸ Такой правильный подход к разрешению этого вопроса принят конституциями некоторых государств²⁹, которые законодательно допускают осуждение особо опасного преступника к смертной казни лишь в военное время или при чрезвычайных обстоятельствах. В этой связи статья 27 Конституции Италии 1947 года закрепляет, что смертная казнь не допускается, кроме случаев, предусмотренных военными законами во время войны³⁰.

Представляется, что, как неправомерно узаконенный и санкционированный акт государственного истребления людей в мирное время и в устойчивом состоянии общества, смертная казнь как определённый вид уголовного наказания необходимо должна быть исключена из конституционных и законодательных положений всех духовно, нравственно и юридически просвещённых народов и цивилизованных государств. Для её поэтапной и законодательной полной отмены в условиях социального мира и правопорядка необходимо теоретически разработать и практически ввести в действие экспериментальный закон об отмене смертной казни до определённого периода времени, а затем на основе своеобразного сближения требований духовно-правовой теории и науки уголовного права и медленно созревающим общественным мнением решительно приступить к полной и законодательной её отмене в зависимости от статичности и динамики общественного возрастающего и колеблющегося национально-государственного правосознания. Кстати говоря, в 1965 году подобный опыт был проделан британскими учёными правоведами и законодателями. Ввиду разнообразия религиозных, национально-исторических, политико-экономических и социально-правовых условий жизни каждого народа, не всякую правомерную норму следует безоглядно, повсеместно и одновременно ввести в действующее национально-государственное законодательство без предварительного прогнозирования возможных последствий³¹. К

²⁷ См.: Распоряжение Президента РФ от 16 апреля 1997 года «О подписании Протокола № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года».

²⁸ Council of Europe. No. 114 Protocol 6 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms Concerning the Abolition of Death Penalty. Strasbourg, April 28, 1983.

²⁹ Например, конституциями Аргентины, Бразилии, Великобритании, Израиля, Испании, Канады, Мексики, Швейцарии, Италии и т.д. // Уголовно-исполнительное право. М., 1996. С. 324.

³⁰ Конституции буржуазных государств. М., 1982. С. 129.

³¹ См.: Осипян Б.А. Соотношение и взаимодействие норм религии, правосознания и закона // Религия и право. 2003. № 3. С. 18-21. О необходимости религиозного измерения права // Представительная власть-XXI век. 2005. № 2. С. 26-28. Влияние различных религий на право и законы народов // Религия и право. 2007. № 3. С.31-39.

примеру, такая мудрая предосторожность была проявлена при претворении (имплементации) пункта 2 Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными, принятыми 30 августа 1955 года³².

Часть 2 статьи 7 УК РФ безоговорочно гласит, что уголовное наказание не имеет целью унижение человеческого достоинства. Между тем смертная казнь, в отличие от других правомерных видов уголовного наказания, предполагает не просто унижение, но абсолютное законодательное отрицание и насильственное уничтожение такого достоинства каждого человека как существа, созданного по образу и подобию Бога-Творца, духовно и нравственно свободного и ответственного субъекта уголовного права и закона. Статья 20 Конституции РФ 1993 года, провозглашающая право человека на жизнь, предоставляет обвиняемому и подсудимому, которому может быть назначена смертная казнь, слабую возможность для сохранения жизни особо опасному преступнику: право на судебное рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей, поскольку согласно части 1 статьи 65 УК РФ при условии, если присяжные признают его вину в совершении тяжкого преступления, но сочтут преступника заслуживающим снисхождения суда, смертная казнь не применяется.

Узаконенный в России неправомерный институт смертной казни противоречит также требованиям статьи 81 УИК РФ, которая рассматривает психическое расстройство осужденного обязательным для суда основанием освобождения его от дальнейшего отбывания назначенного судом наказания, в том числе и наказания в виде смертной казни. Дело в том, что в состоянии умственного и душевного расстройства осужденный человек полностью теряет свою способность воспринимать принудительный и исправительный характер применяемых к нему государственных мер уголовно-правового воздействия, и потому любое наказание для него изначально является бессмысленным и нецелесообразным. Парадоксально, но в жизни получается так, что для душевно больного осужденного человека смертная казнь является бессмысленной и ненужной, а для психически здорового осужденного человека смертная казнь вдруг становится необходимой, правомерной и целесообразной.

Разумеется, что во всём этом наукообразно и законодательно скрывается очевидный абсурд. Ведь если следовать логике части 4 статьи 81 УИК РФ, то после выздоровления психически больных осужденных смертная казнь снова становится необходимой, правомерной и целесообразной, поскольку она, по видимому, даёт психически выздоровевшему осужденному человеку единственную возможность чисто-сердечно и деятельно раскаяться в содеянном преступном злодеянии и пожизненно покаяться перед скорым принудительным его государственным преобразованием в мир иной. Смертная казнь отнимает у душевно вменяемого человека даже этот последний шанс добросовестного приближения и надёжного причастия грешного человека к духовному телу Христа-Спасителя и нормальной жизни общества в целом и потому никогда не может стать правомерным видом уголовно-правовой ответственности и благотворного наказания³³.

³² Международная защита прав и свобод человека. М., 1990. С. 290.

³³ См.: Осипян Б.А. Основание и система правовой ответственности и наказания: различие понятий «imputatio», «indictare», «sanctio», «poena» // Современное право. 2007. № 5. С. 77-85.

Если само российское общество и государство неспособны в созданных ими уголовно-исправительных учреждениях по-божески наставлять злостных преступников для духовно-нравственного исправления и покаяния, то они и не могут быть вправе убивать себе подобных грешных людей, которые не свалились с неба, но являются свидетельством греховности и порочности этого родившего и воспитавшего их безбожного и бездуховного, безнравственного и неразумного общества. Следовательно, смертная казнь не может стать конституционным правом порочного общества и государства, и потому часть 2 статьи 20 Конституции РФ является изначально неправомерным положением российского законодательства.³⁴

Как известно из Священного Писания даже Бог-Создатель миров и людей не предал смерти первого братоубийцу Каина, но оставил «изгнанником и скитальцем на земле».³⁵ Безмерное милосердие Спасителя нашего Иисуса Христа также было неременным условием спасения на кресте пожизненного убийцы и разбойника, который, признав дух истины спасся прямо на кресте перед своей физической смертью.³⁶ Решать, кто способен из человекоубийц к покаянию или исправлению светский судья по понятным причинам не способен, поскольку понятие покаяния и духовно-нравственного исправления чужды понятиям и безбожному мировоззрению и правосознанию большинства современных российских судей, правоохранителей и исправителей в пенитенциарных³⁷ учреждениях. Если российское общество духовно и нравственно в целом не преобразится и само прежде всех других людей и народов не выберет для себя верный и надёжный путь духовной и нравственной жизни, то оно само в своих недрах будет продолжать рождать и воспитывать преступников и человекоубийц, и, продолжая смертно казнить себя в своих падших членах, каждый раз будет стирать следы своего духовно-нравственного бессилия и правовой безответственности за ненадлежащее духовно-правовое воспитание, образование и неспособность своевременно привлекать многих начинающих преступников к уголовной ответственности и благотворно наказывать их за совершение всякого рода преступлений.³⁸

Смертная казнь не только изначально неправомерна как отчаянное и насильственное проявление мести, слабости и бессилия общества и государства, в которых родился, воспитывался и личностно формировался особо опасный преступник, но и в своих последствиях самоубийственна пагубна для всего общества. Дело в том, что предполагаемое многими учёными юристами устрашающее и превентивное массовое воздействие смертной казни не способствует действительно сокращению количества совершаемых в данном обществе тяжких преступлений, ибо преступность представляет собой объективное и закономерное явление, исходящее из греховной природы человека, безбожного, бездуховного и несправедливого и

жестокого «мира, лежащего во зле»³⁹, который в той или иной мере виновен в порождении зла, греха и преступления и потому не вправе самовольно и законодательно избегать Божьего испытания на себе определенной боли и ответственности появления в своих недрах разного рода злоумышленников, жестоких убийц и насильников, заядлых воров и грабителей.

Ведь особо опасные для общества преступники во все не падают с неба в готовом виде и состоянии совершать тяжкие преступления, а вырастают и образуются также на конкретной семейной и социальной почве, часто рискуют жизнью, идя на совершение того или иного тяжкого преступления, и потому смертная казнь не может быть оправдана как достаточно действенное и сдерживающее ещё не пойманного преступника средство. Даже в древние суровые дохристианские времена для преодоления фактов взяточничества (коррупции) в судебных органах корыстолюбивых и лихоимствующих судей карали нещадным образом, однако это не давало ожидаемых суровым законодателем положительных результатов. Например, по приказу персидского царя Камбиза (VI век до н.э.) с одного из погрязших во взятках судей заживо была снята кожа, которой было покрыто кресло, на котором должны были сидеть и осуществлять правосудие другие судьи. Однако чувство неистребимой мирской похоти и корысти вершителей правосудия, как правило, всегда брало верх над низменным и неизменным чувством их животного страха перед таким варварским зрелищем.⁴⁰

Жизнь со всей очевидностью показывает нам то, что мало кто из закоренелых преступников, которые при подготовке и совершении тяжкого преступления добровольно могут riskовать своей и чужими жизнями стал бы riskовать при этом своей привычной свободой, которая часто ценится несравненно больше своей бессмысленной повседневной жизни. Некоторые зацикленные на возможном душевном исправлении и обобществлении (ресоциализации) преступников учёные юристы и обычные люди бездуховно, суеверно и невежественно полагают, что приговоренные к смертной казни особо опасные преступники всегда являются душевно не исправимыми, полностью социально отчуждёнными и потому единственное их избавление и спасение суть их смерть и гробовая доска.

Однако приверженцы этих учений об уголовном наказании при этом напрочь забывают о том, что казнят преступников за совершение тяжкого преступления, если оно совершено даже впервые, а не за их неспособность к исправлению и социальному приспособлению (адаптации). Кроме того, самыми неисправимыми преступниками подчас являются не убийцы и насильники, а мелкие мошенники и воры, у которых нет никаких высоких духовно-правовых идей и нравственных принципов, чья повседневная и привычная жизнь беззастенчиво суетна и порочно праздна. Данные судебной статистики показывают, что большинство осужденных к смертной казни составляют лица, которые впервые совершили тяжкие преступления и не имеют уголовного прошлого (судимости), но которым свойственны такие характерные и психологические черты, как бесцельность, равнодушие, безразличие, социальная

³⁴ См.: Осипян Б.А. Возможности укрепления правовых основ российского государства органами конституционного правосудия. Приложение № 2. М., 2009. С. 163-191.

³⁵ См.: Библия. Ветхий завет. Бытие, 4:14.

³⁶ См.: Библия. Новый завет. Евангелие от Луки, 23:42.

³⁷ Термин «пенитенциарный» происходит от латинских слов «роена» и «роенитентиа», т.е. назидание и покаяние.

³⁸ См.: Осипян Б.А. О мерах по искоренению порочной системы отказа в правосудии //Адвокат. 2009. № 1. С. 76-80.

³⁹ Библия Новый Завет, 1 Иоанн, 2:15-16; 4:5; 5:19; 1 Коринфянам, 1:20. 7:31;

⁴⁰ См.: Папашвили Ш.Г. Должностные преступления в теории уголовного права, законодательстве и судебной практике. Тбилиси, 1989. С.277.

апатия, безволие и иные психические нарушения.⁴¹ Более того, большинство современных судебно-статистических данных свидетельствуют о том, что уровень совершаемых преступлений, караемых смертной казнью, оказывается ниже как раз в тех государствах, в которых она законодательно упразднена.⁴²

Отмечая необходимость законодательной отмены смертной казни из перечня правомерных видов уголовного наказания, известный грузинский писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе в свое время заметил: «Наказание в виде смертной казни притупляет естественное сознание, которому противна кровь; при частом виде крови к ней привыкают и ухо, и душа; смертная казнь отнимает то, что нельзя приобрести за счёт морали, — жизнь человека, исправить же судебную ошибку, допущенную в вопросе оправданности смертной казни, немислимо».⁴³ Узаконенная и часто применяемая в правовой жизни смертная казнь не только бессмысленное и бесполезное, но и духовно-нравственно развращающее суеверие и недоразумение для любого цивилизованного общества, поскольку она воспитывает и делает привычными в обществе и государственных мужах чувство враждебности, нетерпимости, ненависти, лицемерного коллективного самооправдания и эгоизма, узаконенной равнодушной безответственности правителей и судей за своих духовно и нравственно невменяемых или даже психически больных сограждан, которых согласно конституционному принципу социальной солидарности необходимо помочь исцеляться и исправляться для продолжения совместной жизни, а не отсекают физически их безнадежно, жестоко и необратимо от их семей и общества в целом.

Кроме того, узаконенное применение смертной казни весьма дорого обходится обществу и государству, как в нравственном отношении, так и в экономическом измерении. Дело в том, что сама по себе ценность каждой богоданной человеческой жизни неизмерима, а экономические затраты на содержание взрослого человека весьма большие. Например, известно, что в США ежегодное содержание приговоренного к смертной казни одного осужденного человека, который ожидает ее исполнения в среднем от пяти до десяти лет, составляет более двух миллионов долларов.

Гораздо более тяжело и ужасно говорить о предполагаемых и действительных разрушительных и пагубных духовно-нравственно и правовых последствиях ошибочно казненных невинных людях. В этом свете срочно произведённая смертная казнь особо опасных преступников, или точнее, официально узаконенное право государства немедленно убивать общественно или политически опасных людей, может быть положительно воспринято только как ничем не заменимая мера самообороны и самозащиты общества и государства в тех случаях, когда угрожающий им источник особой опасности полностью не поддается правоохранительному контролю и грозит всем непредсказуемыми пагубными последствиями. Поэтому конституции некоторых современных государств⁴⁴ (например, Аргентины, Бразилии, Великобритании, Израиля, Испании, Канады, Мексики, Швейцарии, Италии и других

стран) допускают осуждение особо опасных преступников к смертной казни лишь при наличии чрезвычайных обстоятельствах или в условиях осажденного и военного положения⁴⁵.

Верные духовно-правовые соображения и тот факт, что в более чем в восьмидесяти странах мира и особенно во всех странах Западной Европы смертная казнь законодательно уже отменена, дает нам основания полагать, что совершенно не справедливо и неправомерно называть узаконенную в России смертную казнь правомерным видом уголовного наказания, поскольку все понятия и термины уголовно-правовой науки и законодательства должны иметь изначально верный духовно-правовой характер и точное научно-правовое определение⁴⁶. Так как таким характером не обладает акт санкционированного государственного физического убийства и истребления людей в мирное время, то словосочетание «сметная казнь» необходимо исключить из текстов Конституции РФ и действующего российского законодательства как бессмысленное, неправомерное, вредное и внутренне противоречивое словосочетание, не способное стать верным определением отдельного вида необходимого, целесообразного, полезного и благотворного средства социального воздействия и тем более уголовного наказания.

Список литературы

- Осипян Б.А. Обоснование неправомерности смертной казни и пожизненного лишения свободы // Уголовно-исполнительная система. Издательская группа «Юрист». 2011. № 3. С. 10-15.
- Платон. Сочинения. В трёх томах. Т. 3(2). М., 1972. С. 350, 372
- Кант И. Сочинения. В шести томах. М., 1963-1966. Т. 2. С. 222. Т. 4. С. 256-257
- Гегель. Философия права. М., 1990. С. 149, 151.
- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 168-169
- Berns W. For Capital Punishment: Crime and the Morality of the Death Penalty. N.Y. Basic Books, 1979. P. 322.
- Осипян Б.А. Право как верный путь к порядку и душеспасению, или два главных вектора действия надлежащей и непреходящей идеи права // Религия и право. 2015. № 3. С. 28-38. // Вестник развития науки и образования. 2015. № 4. С. 4-20. Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 24-32
- Соловьев Вл. Против смертной казни М., 1906. С. 180-181
- Council of Europe. No. 114 Protocol 6 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms Concerning the Abolition of Death Penalty. Strasbourg, April 28, 1983
- Walker N. Punishment, Danger and Stigma. The Morality of Criminal Justice. Oxford, 1980. P. 457-458

⁴¹ Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 524.

⁴² Walker N. Punishment, Danger and Stigma. The Morality of Criminal Justice. Oxford, 1980. P. 457-458.

⁴³ См.: Папашвили Ш.Г. Должностные преступления в теории уголовного права, законодательстве и судебной практике. Тбилиси, 1989. С.277.

⁴⁴ См.: Уголовно-исполнительное право. М., 1996. С. 324.

⁴⁵ См.: Осипян Б.А. Правомерный закон и законодательный призыв // Адвокат. 2009. № 7. С. 83-88.

⁴⁶ См.: Осипян Б.А. Определение понятия права // Современное право. 2007. № 2. С. 34-42. Корень понятия «правомерность» // Современное право. 2008. № 1. С. 69-78. Причины издания и совершения неправомерных актов: духовные, научные и практические аспекты // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С.71-78.